

А.С. Исполинов

ПОИСК БАЛАНСА МЕЖДУ СВОБОДАМИ ВНУТРЕННЕГО РЫНКА И ПРАВАМИ ЧЕЛОВЕКА В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ ЕС

Аннотация. Настоящая статья посвящена рассмотрению эволюции позиции Суда ЕС по отношению к правам человека в ЕС. При этом более подробно автор останавливается на делах, рассмотренных Судом ЕС, в которых Суд рассматривал конфликты между основными экономическими свободами внутреннего рынка и правами человека. В итоге автор делает вывод о поиске Судом ЕС в каждом случае конфликта основных рыночных свобод и прав человека компромиссного баланса конфликтующих интересов.

Ключевые слова: внутренний рынок, права человека, судебная практика, Суд ЕС, основные экономические свободы, Европейская конвенция о защите прав и основных свобод человека, европейская интеграция, право ЕС, баланс интересов, ограничение свободы рынка.

Автор выражает признательность и глубокую личную благодарность заведующему кафедрой международного права юридического факультета ГУ ВШЭ, профессору, д.ю.н. Ю.М. Юмашеву за настоятельный совет рассмотреть практику Суда ЕС в области прав человека именно применительно к экономическим свободам единого внутреннего рынка ЕС.

Приступая к рассмотрению крайне непростой и в чем-то даже по-своему увлекательной эволюции позиции Суда ЕС по отношению к правам человека, нужно сразу отметить, что до вступления в силу с 1 декабря 2009 г. Хартии основных прав ЕС, вопросы прав человека в Европейском Союзе регулировались исключительно решениями суда ЕС. Отмечая исключительную роль Суда ЕС в этой сфере, можно согласиться с мнением бывшего судьи Суда ЕС Б. Манчини, который в своей работе написал, что «прочтение Судом ЕС в праве ЕС неписанного Билля о правах человека является на самом деле наиболее выдающимся вкладом, сделанным Судом в развитие конституции для Европы»¹.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы кратко рассмотреть изменения в позиции Суда ЕС по отношению к правам человека в ЕС, остановившись более подробно на делах, рассмотренных Судом ЕС, в которых Суд ЕС оказался перед выбором, чему отдать предпочтение основным экономическим свободам внутреннего рынка или правам человека.

Будет полезным напомнить, что отцы-основатели Европейских Сообществ, вдохновленные первым удачным опытом деятельности Европейского Объединения угля и стали (ЕОУС), созданного в 1951 г., немедленно заявили о дальнейшей полномасштабной интеграции. Были запущены проекты создания

Европейского Оборонительного Союза и Европейского Политического Союза. Предполагалось, что уже к середине 1950-х гг. договоры о создании этих двух Союзов будут ратифицированы государствами и вступят в силу. Мало кто знает, что разработанные в начале 1950-х гг. документы о создании Европейского Политического Союза уже содержали детальные положения защите основных прав и свобод человека. Не мудрствуя лукаво, разработчики просто инкорпорировали текст Европейской Конвенции о защите прав и основных свобод человека в текст учредительных документов ЕПС, даже несмотря на то, что Франция на тот момент даже и не помышляла ратифицировать эту конвенцию, сделав это лишь в 1974 г.

Однако смена правительства во Франции поставила крест на этих планах, после чего наступил период более взвешенного подхода к интеграции. Вполне осознанно был избран путь постепенной, секторальной интеграции, который оказался весьма и весьма продуктивным. Учредительные договоры о создании Европейского Экономического Сообщества (ЕЭС) и Европейского Сообщества по атомной энергии (Евроатом), подписанные в 1957 г., были уже гораздо менее амбициозными, однако при этом не содержали никаких положений о соблюдении прав человека в деятельности этих Сообществ. В этих условиях роль гаранта соблюдения прав человека в ЕС после некоторых колебаний взял не себя Суд ЕС, позиция которого в этих вопросах претерпела крайне поучительную эволюцию.

Уже первые годы деятельности Европейских Сообществ показали, что акты, принимаемые их органами, мало напоминают традиционные документы межгосударственного сотрудничества и напрямую касаются частных лиц государств-членов ЕС. Попытки частных лиц обжаловать эти решения привели их в Суд ЕС. Сначала Суд ЕС (тогда еще Суд ЕОУС) в своем решении по делу *Stork* отказался признать свою компетенцию по вопросу, связанному с правами человека, за-

¹ Mancini B. "The making of a constitution for Europe" (1989) 26 C.M.L.Rev. 595. С. 611.

явив, что защита основных прав человека является вопросом национального права государств-членов, а Суд имеет юрисдикцию лишь в вопросах права Сообществ². Предельно краткие и несколько неуклюжие формулировки, использованные Судом ЕС в решении по делу *Sgarlata V. Commission of the EEC*, заставили многих комментаторов, а также конституционные суды стран-членов ЕС усомниться в самой возможности защиты прав человека на уровне ЕС³.

Однако затем Суд ЕС был просто вынужден коренным образом изменить свою позицию в силу нескольких причин. С одной стороны, Суд ЕС, заявив в решениях по делам *Van Gend en Loos and Costa v. Enel*, что право ЕС является отдельным правовым порядком, субъектами которого являются не только государства, но и частные лица, начал активно претворять на практике свои доктрины приоритета и прямого эффекта норм права ЕС⁴.

С другой стороны, Суд ЕС столкнулся в это же время с открытой оппозицией немецких и итальянских высших судов, которые заявили о своей принципиальной готовности рассматривать акты ЕС на предмет их соответствия основным правам человека, изложенным в их конституциях⁵. Отстаивая целостность и приори-

тет права ЕС, а также свое исключительное право на толкование права ЕС, Суд ЕС поменял свою позицию, решив использовать права человека как мощный и эффективный инструмент для выстраивания автономного правового порядка ЕС. Как признал нынешний председатель Суда ЕС В. Скурис, «в самом начале развития своей практики Суд ЕС осознал, что доктрины верховенства и прямого эффекта права ЕС, провозглашенные в ранних решениях, не смогут удержаться без их дополнения системой судебного контроля в отношении нарушений основных прав человека»⁶.

В решении по делу *Staudler* 1969 г. Суд ЕС впервые заявил о своей принципиальной готовности учитывать вопросы прав человека при оспаривании актов и действий органов ЕС, установив, что «истолкованное в таком смысле положение (оспариваемая норма права ЕС — прим. А.И.), не содержит ничего, что способно ущемить основные права человека, составляющие часть общих принципов права ЕС и защищаемые Судом»⁷.

В последовавшем решении по делу *Internationale Hanselgesellschaft* Суд ЕС уточнил свою позицию следующим образом: «уважение основных прав формирует составную часть общих принципов права, которые призваны защищать Суд ЕС. Защита основных прав, будучи вдохновлённая конституционными традициями государств-членов, должна быть, тем не менее, обеспечена в рамках структуры и целей Сообщества»⁸.

В решении по делу *Nold* Суд ЕС пошел еще дальше, заявив, что «уважение основных прав формирует составную часть общих принципов права, которые призваны защищать Суд ЕС. Обеспечивая эти права,

² Case 1/58 *Stork & Cie v ECSC High Authority* [1959] ECR 43. Примечательно, что в основе дела лежала жалоба немецкого торговца углем, который оспаривал решение Высшего руководящего органа ЕОУС, заявляя, что это решение нарушает его права, зафиксированные в Конституции ФРГ. См. так же: *Joined cases 36-38/59 40/59 Greitling v High Authority of the ECSC* [1960] ECR 859.

³ Case 40/64 *Sgarlata and others v. Commission of the EC* [1965] ECR 215, p. 226. В этом деле заявители (группа итальянских торговцев цитрусовыми) утверждала, что в случае ограничительного толкования ст. 173 Договора о ЕЭС (ограничивающая возможность подачи частными лицами исков в Суд ЕС об аннулировании актов институтов ЕС только случаями, когда частное лицо напрямую и индивидуально затронуто данным актом) они будут лишены какой-либо судебной защиты как по праву Сообществ, так и по национальному праву, что будет противоречить фундаментальным основам правового порядка государств-членов ЕЭС. В ответ на это Суд ЕС ответил буквально следующее: «эти рассуждения (о правах человека — прим. А.И.), которые не будут здесь рассмотрены, не могут быть расценены как перевешивающие четкую ограничительную формулировку ст. 173, применение которой является обязанностью Суда».

⁴ «... Сообщество представляет собой новый правовой порядок в международном праве, для целей которого государства ограничили свои суверенные права, хотя и в некоторых сферах, и субъектами которого являются не только государства, но и их жители». Case 26/62 *Van Gend en Loos v Nederlandse Administratie der Belastingen* ECR [1963] 1. См. также: Case 6/64 *Flamingo Costa v. ENEL* [1964] ECR 586.

⁵ См.: решение Конституционного Суда Италии, в котором он заявил, что не будет рассматривать вопрос о соответствии

актов ЕС Конституции Италии, за исключением случаев, когда акт ЕС противоречит основным принципам конституционного правового порядка или неотъемлемым правам человека. *Frontini v Ministero delle Finanze, judgment of December 27, 1973, Guir. Const. 2401*. См. также решение Конституционного Суда от 29 мая 1974, более известное как *Solange-1*, в котором он заявил о своей компетенции рассматривать вопросы норм права ЕС на предмет их соответствия основным правам человека, изложенным в Основном законе ФРГ, до тех пор пока (на немецком - *So Lange*) ЕС не обладает собственным каталогом прав человека, сравнимым по существу с Конституцией ФРГ. *BVerfGE, 37, 271*. По поводу непростых взаимоотношений между судами ЕС и Конституционным Судом ФРГ см. статью М. Payandeh “Constitutional review of EU law after HONEYWELL: contextualizing the relationship between the German Constitutional Court and the EU Court of Justice. // *Common Market Law Review* vol. 48 9–38, 2011.

⁶ Skouris V. “Fundamental Rights and Fundamental Freedoms: The Challenge of Striking a Delicate Balance”, [2006] EBLR 227.

⁷ Case 29/69 *Stauder v City of Ulm*, [1969] ECR, para. 7.

⁸ Case №11/70 *Internationale Hanselgesellschaft mbH v. Einfuhr und Vorratsstelle fur Getreide und Futtermittel* [1970] ECR, p. 419, par. 7.

Суд ЕС обязан находить вдохновение в конституционных традициях, общих для всех государств-членов, и, соответственно, не может поддержать меры, которые являются несовместимыми с основными правами, признанными и защищаемыми конституциями этих государств. В свою очередь, международные договоры государств-членов (ЕС — прим. А.И.) по защите прав человека, в которых государства-члены сотрудничают или являются сторонами, могут предоставлять направляющие начала, которым надлежит следовать в рамках права Сообщества»⁹.

В 1975 г. в своем решении по делу Rutili¹⁰ Суд ЕС впервые сослался на Европейскую Конвенцию как на «основные начала, которым надлежит следовать в рамках права Сообщества». Во многом это было связано с тем, что Франция последней из стран-членов ЕС присоединилась в 1974 г. к Европейской Конвенции. Таким образом, Европейская Конвенция стала инструментом защиты прав человека, общим для всех стран-членов ЕС. Особое значение, которое Суд ЕС начал придавать Европейской Конвенции, можно объяснить предельно прагматичным подходом с его стороны. В отсутствие собственного каталога прав человека в ЕС (о чем с упреком говорили в упомянутых выше решениях немецкие и итальянские конституционные суды) Конвенция оказалась чрезвычайно удобным инструментом для ее заимствования и использования Судом ЕС в этой ситуации, представляя собой своего рода свод европейских стандартов в области прав и свобод человека. Только в промежутке между 1975 г. и 1998 г. Суд ЕС процитировал Конвенцию в более чем 70 своих решениях¹¹.

Дальнейшее развитие практики Суда ЕС по вопросам прав человека было несколько неожиданным даже для государств-членов ЕС и вызвало крайне неоднозначные оценки. Решения по таким знаковым делам как Staudler, Internationale Hanselsgesellschaft и Nold, о которых говорилось выше, касались оспаривания актов институтов ЕС. Однако в своем решении по делу Wachauf¹² Суд ЕС перешел эту границу, заявив, что национальные правовые акты, имплементирующие право ЕС, должны также приниматься с учетом основных прав человека, как их видит Суд ЕС. Далее в решении

по делу ERT¹³ (дело о греческом телевидении) Суд ЕС распространил требование о соблюдении прав человека и на акты государств-членов ЕС, принимаемые в порядке отступления от правил ЕС в случаях и на основаниях, разрешенных учредительными договорами. Наконец, в решении по делу Annibaldi¹⁴ Суд ЕС говорил о национальных актах, принимаемых по вопросам, «находящимся в сфере права ЕС».

Такая эволюция практики Суда ЕС по вопросам прав человека вызвала весьма напряженные споры среди исследователей, которые продолжаются и по сей день. В лагере скептиков тон был задан статьей Коппела и О'Нила, где ставилась под сомнение искренность и серьезность заявлений Суда ЕС о его приверженности идеям защиты прав человека¹⁵. Авторы этой работы утверждали, что в этом отношении Суду ЕС присущ сугубо инструменталистский подход, где аргументы о правах человека служат сугубо прагматическим целям и используются Судом ЕС для защиты своих доктрин, либо для расширения своей юрисдикции. Критики также утверждали, что в любом случае интересы защиты свобод внутреннего рынка превалируют в решениях Суда ЕС над вопросами защиты прав человека¹⁶.

Суду ЕС предстояло на практике опровергнуть эти обвинения, среди которых особенно серьезным казался упрек в его приверженности вопросам единого рынка и его свобод в ущерб защите прав человека. Учитывая богатейшую практику Суда ЕС по вопросам функционирования внутреннего рынка ЕС, можно было смело утверждать, что появление дел, в которых бы сталкивались основные рыночные свободы и права человека, было лишь вопросом времени. Во всех ниже приведенных делах, рассмотренных Судом ЕС, рыночные свободы ограничивались государствами-членами ЕС под предлогом соблюдения и защиты ими различных прав человека.

Перед анализом конкретных дел необходимо кратко пояснить, что означает понятие «основные свободы внутреннего рынка ЕС». Ст. 26(2) Договора о функционировании ЕС (далее — ДФЕС) определяет внутренний рынок

⁹ Case 4/73 Nold KG v. Commission [1974] ECR, p. 491, par. 13.

¹⁰ Case 36/75 Roland Rutili v. Ministre de l'intérieur [1975] ECR 1219.

¹¹ Douglas-Scott S. "A tale of two courts: Luxembourg, Strasbourg and the growing European human rights acquis" // *Common Market Law Review*, vol 34, 2006, p. 645.

¹² Case 5/88 Herbert Wachauf v. Bundesamt für Ernährung und Forstwirtschaft, [1989] ECR 2609, par. 19.

¹³ Case C-260/98 Elliniki Radiophonia Tileorassi Anonimi Etairia (ERT AE) v. Dimotiki Etairia Pliroforissis (DEP) and Sotirios Kouvelas [1991] ECR I-2925.

¹⁴ Case C-309/96 Annibaldi [1997] ECR I-7493.

¹⁵ Coppel J. and O'Neill, A. "The European Court of Justice: Taking rights seriously" (1995) 29 C.M.L.Rev. 669.

¹⁶ В гораздо более жестких выражениях практика Суда ЕС была раскритикована в недавней работе Y.Doğan "The Fundamental Rights Jurisprudence of the European Court of Justice: protection for human rights within the European legal order" // *Ankara Law Review*. Vol. 54 6, №1, p. 53-81, автор которой назвал такой подход Суда ЕС циничным.

как «пространство без внутренних границ, в котором обеспечены свободное перемещение товаров, людей, услуг и капитала в соответствии с положениями настоящего договора». К традиционным свободам передвижения товаров, услуг, рабочей силы и капитала стали со временем добавлять также и свободу ведения бизнеса (*right of establishment*)¹⁷. Учредительные договоры ЕС предписывают государствам-членам ЕС не принимать никакие меры, которые могли бы прямо или косвенно ограничить указанные свободы. Вместе с тем государства-члены ЕС все же могут обойти этот запрет и своими действиями ограничить или даже запретить эти свободы, если принятие таких мер оправдано по соображениям общественной морали, публичного порядка или общественной безопасности, а также отвечает требованиям принципа пропорциональности¹⁸. Вполне естественно, что Суд ЕС, будучи по сути созданным в качестве специализированного отраслевого суда Европейских Сообществ, в которых основной задачей провозглашалось построение единого внутреннего рынка, посвятил вопросам толкования рыночных свобод и их ограничений значительную часть своих решений. Практика Суда ЕС по этим вопросам чрезвычайно обширна, а роль, которую сыграл Суд ЕС в успехе европейской экономической интеграции, всеми признана. Рамки статьи не позволяют изложить этот вопрос более детально, но достаточно привести следующую оценку В. Скуриса, председателя Суда ЕС:

«С помощью своих решений Суду ЕС удалось сыграть решающую роль в создании единого внутреннего рынка и развитии европейской интеграции. На самом деле можно даже заявить, что Европа была бы сегодня другой, если бы не было устоявшейся практики Суда ЕС в отношении основных рыночных свобод»¹⁹.

¹⁷ Ст. 34-35 ДФЕС регулирует вопросы свободного перемещения товаров, ст. 45 – свободное передвижение работников, ст. 49 свободу ведения бизнеса, ст. 56 и 47 – свободу оказания услуг.

¹⁸ Это означает, что ограничение основных свобод единого рынка будет только тогда считаться разрешенным и допустимым, если оно принимается ради преобладающих общественных интересов, является подходящим для достижения заявленной цели и не выходит за рамки того, что необходимо для этого. ECJ cases C-19/92 Kraus [1993] I-1663, para. 32; Case C-222/07 UTECA [2009] I-1407, para. 25. Так Суд ЕС применяет в этом вопросе принцип пропорциональности, который является одним из основных принципов права ЕС, и который означает, что правомерность запрета или ограничения основных свобод может быть признана при условии, что эта мера является подходящей и необходимой для достижения правомерных целей, в случае если есть выбор из нескольких возможных мер, выбор должен быть сделан в пользу наименее обременительной меры, а ее негативные последствия не должны быть непропорциональными по отношению к заявленным целям.

¹⁹ Skouris V. “Fundamental Rights and Fundamental Freedoms: The Challenge of Striking a Delicate Balance”, [2006] EBLR 229.

Первым из дел Суда ЕС, где столкнулись основные свободы рынка и права человека, стало дело Schmidberger²⁰, суть которого состояла в следующем. Немецкая компания Schmidberger обратилась в австрийский суд с иском к правительству Австрии, требуя возмещения убытков, возникших в результате полного перекрытия в мае 1998 г. на 30 часов Бренненской автострады, которая являлась основным транспортным путем для перевозки грузов из Германии в Италию. Данное перекрытие автострады стало результатом проведения демонстрации, организованной с целью привлечь внимание к вопросам охраны здоровья людей и окружающей среды, находившимся под угрозой из-за увеличивающегося потока автотранспорта. Имея в своем распоряжении тяжелые грузовики, компания-истец занималась перевозкой грузов из Германии в Италию и обратно, используя для этих целей как раз Бренненскую автостраду. По мнению истца, австрийское правительство, разрешив проведение демонстрации и не запретив перекрытие автострады, нарушило тем самым свои обязательства по ст. 28 Договора о ЕЭС (ныне ст. 34 ДФЕС — прим. А.И.), ограничив свободу передвижения товаров между государствами-членами ЕС. Исходя из этого, компания-истец требовала от австрийского правительства возмещения убытков в размере 140 000 австрийских шиллингов, возникших из-за простоя грузовиков с грузом. Австрийский суд обратился в Суд ЕС в преюдициальном порядке с просьбой разъяснить, требует ли принцип свободы перемещения товаров от государства держать открытыми основные транзитные пути и насколько это обязательство имеет приоритет перед такими основными правами, как свобода слова и свобода собраний, гарантированных в том числе ст. 10 (свобода выражения мнений) и ст. 11 (свобода собраний и объединений) Европейской Конвенции и защите прав и основных свобод человека 1950 г.²¹ Суд ЕС в своем решении пояснил следующее.

Во-первых, сославшись на решение по делу *Commission v. France*²², Суд ЕС еще раз заявил, что

²⁰ Case C-112/00 Eugen Schmidberger, Internationale Transporte und Planzüge v Austria [2003] ECR I-5659.

²¹ Свобода собраний и объединений.

²² Case C-265/95 *Commission v France* [1997] ECR I-6959. В этом деле Суд ЕС рассматривал с точки зрения права ЕС многолетнее (на протяжении почти 10 лет) активное противодействие со стороны организованных групп французских фермеров доступу на французский рынок овощей и фруктов из других стран ЕС (Испании, Бельгии, Италии, Дании). Так как наибольшую известность получили акции в отношении клубники, ввозимой из Испании, то дело получили также название «дело об испанской клубнике» (*Spanish strawberry case*). Активное противодействие доступу на рынок более дешевой продукции из других стран ЕС заключалось не только в призывах к мага-

ст. 28 Договора не только запрещает государству самому принимать меры, которые создают ограничения торговли между государствами-членами, но должна применяться также тогда, когда государство-член ЕС воздерживается от действий, необходимых для того, чтобы устранить препятствия для свободного перемещения, которые вызваны действиями государства (п. 57 решения). С учетом этого, Суд признал, что отказ правительства Австрии запретить проведение демонстрации, в результате которой автострада была полностью закрыта на протяжении более чем 30 часов, безусловно, является мерой, эквивалентной количественному ограничению свобод единого рынка, и противоречит обязательствам, вытекающим из упомянутой ст. 28 (п. 64 решения).

С другой стороны. Суд ЕС еще раз подтвердил, что в соответствии с устоявшейся практикой Суда, уважение основных прав формирует составную часть общих принципов права, которые призван защищать Суд ЕС, и указал, что меры, которые нарушают права человека, должны быть признаны неприемлемыми в ЕС (п. 71 решения). Исходя из этого, Суд ЕС впервые сделал вывод о своем понимании соотношения основных экономических свобод и прав человека. С учетом того, что ЕС и государства-члены ЕС обязаны уважать права человека, защита таких прав является правомерным интересом, который в принципе оправдывает невыполнение обязательств, налагаемых правом ЕС, даже если речь идет об основных свободах, гарантированных Договором, в том числе и о свободе перемещения товаров (п. 74 решения).

Тем не менее, Суд дальше отметил, что как свобода перемещения товаров, которая может быть ограничена в общественных интересах, так и права человека, на-

---

знам не закупать эту продукцию, и установить минимально допустимые закупочные цены. Группы фермеров перехватывали и блокировали грузовики, доставляющие фрукты и овощи из других стран, избивали их водителей, уничтожали перевозимую продукцию. Кроме этого, в ход шли также угрозы в адрес торговых сетей, а также акты вандализма в отношении продуктов, выложенных на прилавки в тех супермаркетах, которые не вняли призывам фермеров. Суд признал, что непрекращающиеся акты насилия и вандализма со стороны групп французских фермеров однозначно представляют собой препятствия на общем рынке фруктов и овощей. Суд ЕС установил, что меры, предпринятые правительством Франции, были очевидно неадекватными для того, чтобы обеспечить свободу перемещения товаров на этом рынке путем недопущения актов насилия со стороны третьих лиц. В дальнейшем своими решениями Суд ЕС еще раз подтвердил, что препятствия и ограничения для свободы перемещения товаров могут вызываться действиями не только государства, но и третьих лиц, к которым Суд ЕС отнес общественные организации, профсоюзы, и даже спортивные федерации.

пример, свобода слова и свобода собраний, не являются абсолютными и также могут быть ограничены, при условии, что эти ограничения принимаются в общественных интересах, и не являются непропорциональным и неприемлемым вмешательством, ослабляющим саму суть этих прав (об этом прямо говорится в соответствующих статьях Европейской Конвенции о защите прав и основных свобод человека).

Исходя из всего этого, Суд ЕС указал, что национальный суд, вынося окончательное решение по данному делу, должен принять решение с учетом всех обстоятельств дела для того, чтобы найти справедливый баланс между правами человека и экономическими свободами. Делая этот вывод, Суд ЕС не удержался от своего рода некоторых подсказок национальному суду. Так, в первую очередь Суд ЕС отметил, что обстоятельства данного дела коренным образом отличаются от обстоятельств дела *Commission v France*, на которое ссылался истец в качестве своего рода прецедента. В отличие от событий во Франции, демонстрация в Австрии происходила на основе заявления, поданного в установленном порядке, и после того, как уполномоченными органами было принято решение не запрещать ее (п. 84 решения). Кроме того, движение было прервано только на одной дороге, только в одном случае и в течение ограниченного времени. Таким образом, ограничение свободы перемещения товаров, в отличие от событий во Франции, было ограниченным как с географической точки зрения, так и с точки зрения серьезности последствий (п. 85 решения). В-третьих, по контрасту с событиями во Франции, целью демонстрации было не ограничение перемещения товаров и, тем более, не их уничтожение, а публичное выражение мнения (п. 86 решения). Кроме того, Суд ЕС обратил внимание, что органы власти Австрии совместно с организаторами демонстрации предприняли целый ряд шагов, чтобы максимально снизить негативный эффект от демонстрации, включая организацию целой компании в СМИ как в Австрии, так и с соседних странах с информацией о дате и месте проведения демонстрации, а также возможных путях объезда. Это позволило Суду ЕС сделать вывод, что экономические операторы были надлежащим образом предупреждены об ограничениях, чтобы заблаговременно предпринять какие-то меры (п. 87 решения).

В заключение Суд ЕС выразил мнение, что в сложившихся обстоятельствах власти Австрии имели все основания посчитать, что простой запрет на проведение демонстрации был бы неприемлемым вмешательством в права граждан собираться и выражать свое мнение (п. 89 решения). Даже если бы демонстрация была ограничена по месту проведения (например, на одной стороне автострады) или по времени (например,

только на несколько часов), это было бы, с точки зрения Суда ЕС, чрезмерным ограничением, лишаящим акцию какого-либо смысла. С учётом этого Суд ЕС сделал вывод, что власти были в полном праве полагать, что законная цель демонстрации не могла быть достигнута какими-либо иными мерами, в меньшей степени ограничивающими торговлю между государствами-членами. Таким образом, отказ властей Австрии запретить проведение демонстрации не является нарушением положений Договора ЕС, которые регулируют свободу перемещения товаров (пп. 93-94 решения).

Следующим знаковым решением такого рода стало решение Суда ЕС по делу Omega²³. Немецкая компания Omega выступала оператором игрового комплекса «Laserdrom» в Бонне, где всем желающим предлагалась игра с использованием игроками лазеров в виде автоматического оружия и жилетов с датчиками, фиксирующими попадание лазерного луча в игрока. Распоряжением боннской данная игра была запрещена, как представляющая опасность общественному порядку, в силу того, что «симулирование убийства людей и тривиализация насилия не соответствовали общественным ценностям».

В ходе обжалования решения боннской полиции в немецких судах вопрос несколько неожиданно стал касаться толкования и применения норм права ЕС. Произошло это после того, так Omega заявила, что решение полиции нарушает ст. 49 Договора о ЕС²⁴, предусматривающую свободу оказания услуг в едином рынке. Доводом в пользу этого аргумента послужило то, что поставщиком оборудования и обладателем прав на игру выступала британская компания, которая совершенно законно продвигала эту игру в Великобритании и других странах ЕС. После чего Федеральный Административный Суд Германии решил обратиться за разъяснениями в Суд ЕС, предварительно заявив, что нижестоящие суды были правы, отказав компании в ее иске, так как коммерческая эксплуатация «игры в убийство» ущемляет человеческое достоинство, право на которое провозглашено в Конституции ФРГ.

Немецкий суд попросил Суд ЕС разъяснить, насколько соответствует праву ЕС запрет экономической деятельности по причине защиты основных прав и ценностей, установленных национальной конституцией, таких как право на человеческое достоинство.

²³ Case C-36/02 Omega Spielhallen- und Automatenaufstellungen-GmbH v Oberbürgermeisterin der Bundesstadt Bonn [2004] ECR I-9609.

²⁴ Ст. 49 Договора о ЕС (ныне ст. 56 ДФЕС «С учетом положений установленных ниже, ограничения на свободу оказания услуг в пределах ЕС должны быть запрещены в отношении лиц государств-членов, которые должным образом зарегистрированы в государстве ЕС ином, нежели государство лица которому оказывается услуга.»).

Так же как и в решении по делу Schmidberger, Суд ЕС начал свои рассуждения с признания того, что оспариваемое распоряжение полиции о запрете Омега заниматься эксплуатацией игры, действительно нарушает свободу оказания услуг, провозглашенную в ст. 49 Договора о ЕС. Этот вывод был сделан Судом ЕС с учетом того обстоятельства, что сама игра была придумана в Великобритании и права на нее были переданы заявителю на основе франчайзингового соглашения.

Оценивая правомерность запрета игры боннской полицией, Суд отметил, что «право ЕС в принципе разрешает ограничения этой свободы, но только в целях публичного порядка, общественной безопасности или здоровья населения. В этом случае в запрете боннской полиции специально указывалось, что деятельность представляла опасность публичному порядку» (п. 28 решения).

Тем не менее, Суд ЕС не ограничился этим утверждением и прошел дальше, приняв вызов со стороны немецких судов. Сложность задачи для Суда ЕС заключалась в следующем. С одной стороны, право на человеческое достоинство было закреплено в Конституции ФРГ, но при этом такое право отсутствовало в конституциях многих других стран ЕС, не говоря уже о Европейской Конвенции о правах и основных свободах человека 1950 г. Суд ЕС явно хотел избежать оценки соответствия норм права ЕС правам человека, используя для этого лишь национальные конституционные нормы только одной страны, тем более нормы Конституции ФРГ, учитывая всю непростую историю взаимоотношений между Конституционным Судом ФРГ и Судом ЕС. Таким образом, Суду ЕС предстояло найти формулу, при которой правомерность запрета оказания услуг в одной стране не привела бы к запрету этой деятельности в других странах ЕС (эта игра, как уже указывалось выше, была придумана в Великобритании и активно и вполне законно коммерчески эксплуатировалась в других странах ЕС).

По мнению Суда ЕС, в данном деле компетентные органы власти приняли во внимание, что деятельность, запрещенная полицией, представляла угрозу публичному порядку по причине того, что в соответствии с концепцией, преобладающей в общественном мнении, коммерческая эксплуатация игр, включающих симулирование убийства людей, нарушает право на человеческое достоинство, закреплённое в конституции.

Повторив затем дословно свою формулировку из решения по делу Nold о правах человека как составной части общих принципов права ЕС, Суд далее заявил, что:

«34. Не приходится отрицать, что правопорядок ЕС стремится обеспечивать право на уважение человеческого достоинства в качестве общего принципа права

ЕС. Не представляет сомнений, что цель защиты достоинства человека является совместимой с правом Сообщества, при этом несущественным представляется то, что в Германии принцип уважения человеческого достоинства имеет особый статус отдельного основного права человека».

Используя затем уже найденную им в решении по делу Schmidberger формулу, Суд ЕС повторил, что защита прав человека является правомерным интересом, который в принципе оправдывает невыполнение обязательств, налагаемых правом ЕС, даже если речь идет об основных свободах, гарантированных Договором, как например, свобода оказания услуг.

Заканчивая свои логические построения, Суд ЕС отметил, что государства-члены ЕС выбирают различные способы защиты прав человека, имея в этом отношении широкую свободу усмотрения. Исходя из материалов дела, Суд ЕС сделал вывод, что запрет на коммерческую эксплуатацию игр, которые содержат симуляцию актов насилия против людей, в особенности акты убийства людей, соответствует принятому именно в Германии уровню защиты права на уважение достоинства. В этих обстоятельствах по мнению Суда ЕС, распоряжение боннской полиции не может быть расценено как мера, необоснованно подрывающая свободу оказания услуг в ЕС (пп. 38-39 решения).

Таким образом, Суд ЕС нашел изящную формулу, которая позволила ему, с одной стороны, решить вопрос о правомерности запрета игры с точки зрения прав человека именно на уровне ЕС, а не национальной конституции. С другой стороны, эта формула дала возможность Суду ЕС признать правомерность запрета именно в Германии, избежав его распространения на остальные станы ЕС. Кроме того, именно в этом деле Суд ЕС сформулировал право на человеческое достоинство как часть общих принципов права ЕС, несмотря на то, что, как отмечалось выше, это право отсутствовало как в конституциях многих стран-членов ЕС, так и в Европейской Конвенции.

Напряженные и эмоциональные дебаты, не прекращающиеся до сих пор, вызвали решения Суда ЕС по делам Viking Line²⁵ и Laval²⁶, в которых речь шла о столкновении социальных прав трудящихся, которыми не без основания гордится Европейский Союз, и основных рыночных свобод. Оба дела связаны с социальными последствиями расширения ЕС в 2004-

2007 гг., когда дешевая квалифицированная рабочая сила из государств-новичков (страны Прибалтики и Восточной Европы) стала доступна без каких-либо иммиграционных ограничений для компаний из стран-старожилов ЕС. Появилось и получило широкое распространение понятие «социальный демпинг в рамках единого рынка». Это не могло не встревожить профсоюзы западноевропейских стран, которые решили этому противостоять, опираясь на социальные права, предоставленные им национальным законодательством.

В деле Viking Line Суд ЕС рассматривал запрос английского суда в отношении спора между международной федерацией работников транспорта и финским профсоюзом моряков, с одной стороны, и финской компанией Viking Line, с другой. Компания Viking Line являлась одним из крупнейших в ЕС операторов паромов, один из которых, Rosella, использовался на маршруте Таллинн — Хельсинки. Так как паром был зарегистрирован под флагом Финляндии, то компания была вынуждена платить экипажу зарплату на уровне, предусмотренном законодательством и коллективными соглашениями Финляндии. В силу этих обстоятельств компания, находясь в условиях жесткой конкуренции с паромными из Эстонии, которые платили своим экипажам значительно меньше, несла серьезные убытки на этом маршруте. Одним из наиболее логичных вариантов решения этой проблемы представлялась перерегистрация судна в Эстонии или Норвегии, и заключение нового коллективного соглашения с местным профсоюзом. Об этих планах и завилла компания осенью 2003 г. Однако это, казалось бы, очевидное решение натолкнулось на непонимание и сопротивление со стороны финского профсоюза моряков. В свою очередь финских моряков поддержала международная федерация работников транспорта, которая разослала всем своим национальным отделениям письмо, в котором настоятельно предписывалось из солидарности и под угрозой санкций воздержаться от любых переговоров с компанией Viking Line о заключении нового коллективного договора. Ощущая такую поддержку, финский профсоюз моряков направил компании уведомление о проведении забастовки, требуя не только отказаться от планов перерегистрации судна, но и увеличить экипаж Rosella еще на 8 человек. В ходе переговоров в конце 2003 — начале 2004 г. профсоюзы по-прежнему занимали крайне жесткую позицию. Однако ситуация в корне поменялась с 1 мая 2004 г., когда Эстония стала членом ЕС.

С учетом того, что циркуляр международной федерации работников транспорта оставался в силе, а компания Viking Line по-прежнему терпела убытки от использования парома на этом маршруте, Viking Line обратилась в Коммерческий Суд Великобритании (по

²⁵ Case C-438/05 International Transport Workers' Federation, Finnish Seamen's Union v Viking Line ABP, OÜ Viking Line Eesti, Viking, 11 December 2007.

²⁶ Case C-341/05 Laval un Partneri Ltd v Svenska Byggnadsarbetareförbundet, Svenska Byggnadsarbetareförbundets avd. 1, Byggettan, Svenska Elektrikerförbundet, Laval, 18 December 2007.

месту регистрации федерации), прося суд признать действия федерации и финского профсоюза противоречащими ст. 43 Договора о ЕС²⁷, и приказать федерации отозвать циркуляр, а финскому профсоюзу не чинить препятствия осуществлению компанией Viking Line своих прав, предоставленных ей Договором ЕС. Суд первой инстанции удовлетворил иск. В своей апелляционной жалобе ответчики утверждали, что право на коллективные действия, включая право на забастовку, отнесены к числу основных прав человека. С учетом сложности вопроса апелляционный суд обратился в Суд ЕС за преюдициальным заключением.

Суду ЕС предстояло в этом деле выразить свое отношение к такому социальному праву, как право на забастовку, и оценить действия не государства, а профсоюзов с точки зрения их влияния на основные свободы единого рынка. Суд ЕС применил ту же логику и те же аргументы, что и ранее в решениях по делам Schmidberger и Omega Spielhallen, правда, расположив их в несколько другом порядке.

Суд ЕС начал с признания в п. 43 решения того, что «право на коллективные действия, включая право на забастовку, признано как различными международными договорами, которые страны члены ЕС подписали или в которых участвуют, например, Европейская Социальная Хартия, конвенциями МОТ, так и инструментами на уровне самого Европейского Союза, например, Хартия о социальных правах работников и Хартия основных прав ЕС (которая на этот момент еще не имела обязательной силы — прим А.И.).

Исходя из этого Суд ЕС заявил, что право на коллективные действия, включая право на забастовку, должно быть признано как основное право, которое является частью общих принципов права ЕС, исполнение которых обеспечивает Суд. Тем не менее, по мнению Суда ЕС, реализация таких прав может быть предметом определенных ограничений (п. 44 решения).

Тем не менее, как и в решениях Schmidberger и Omega Spielhallen, Суд ЕС снова указал, что осуществление основных прав человека, таких, как свобода слова, свобода собраний или право на уважение человеческого достоинства, не выходят за пределы действия положений договоров ЕС и следовательно, должны быть сбалансированы с требованиями, вытекающими из рыночных свобод, обеспечиваемых Договорами, и в

соответствии с принципом пропорциональности (п. 46 решения).

Далее Суд ЕС перешел к оценке действий профсоюзов применительно к ограничению основных свобод внутреннего рынка, заявив в п. 55 решения, что ст. 43 Договора о ЕС должна быть истолкована как означающая, что под ее действие подпадают также и коллективные действия, инициированные профсоюзом в отношении предприятия с целью склонить предприятие к заключению коллективного договора, условия которого способны ограничить право на ведение бизнеса. В подтверждение своих выводов Суд привел свои аргументы, использованные в уже упомянутых выше решениях по делам Commission v France и Schmidberger, в отношении свободы перемещения товаров, из которых очевидно, что ограничения этой свободы могут быть результатом действий не только государства, но и частных лиц (п. 62 решения). Таким образом, по мнению Суда ЕС, действия как финского профсоюза, так и международной федерации можно квалифицировать как ограничение свободы ведения бизнеса (п. 74 решения).

Затем Суд ЕС заявил, что ограничение свободы ведения бизнеса может быть признано правомерным только тогда, когда оно преследует законные цели, совместимые с учредительными договорами, и оправдано превалярующими общественными интересами. Но даже и в этом случае эти ограничения, исходя из принципа пропорциональности, должны соответствовать заявленной цели и не должны идти дальше, чем это необходимо. Право на коллективные действия для защиты работников является, по мнению Суда, именно таким правомерным интересом, который в принципе оправдывает ограничения одной из основных свобод, гарантированной Договором, а защита работников является одним из таких превалярующих общественных интересов (п. 77 решения). Исходя из того, что ЕС имеет не только экономические, но и социальные цели, основные рыночные свободы, в том числе свобода ведения бизнеса, должны быть сбалансированы по отношению к целям социальной политики, в том числе и социальным правам трудящихся. Поиск данного баланса и является, по мнению Суда ЕС, задачей национального суда, который располагает всеми материалами по делу. Тем не менее, исходя из сложности дела, Суд ЕС дал все же несколько направляющих указаний национальному суду.

Как видит Суд ЕС, национальный суд в первую очередь должен удостовериться ущемлены ли или находятся ли под серьезной угрозой рабочие места или условия труда в данном деле. Только в этом случае действия финского профсоюза могут быть расценены как действительно имеющие целью защитить работников (п.

²⁷ Ст. 43 Договора о ЕС устанавливает, что «с учетом положений, установленных ниже, ограничения свободы ведения бизнеса лицами государства-члена ЕС на территории другого государства-члена ЕС должны быть запрещены. Этот запрет также распространяется на ограничения создания агентств, филиалов или дочерних компаний лицами любого государства-члена ЕС, должным образом зарегистрированными на территории этого государства».

81 решения). Если национальный суд установит, что это именно так, тогда следующей задачей будет установление того, насколько действия профсоюзов соответствовали заявленной цели и не выходили за пределы того, что было действительно необходимо. Нужно будет также уточнить, имелись ли у финского профсоюза другие способы защиты своих прав, менее ограничительные для свободы ведения бизнеса, и были ли эти меры использованы профсоюзом. Что же касается действий федерации, то Суд ЕС был предельно категоричен, указав, что они не могут найти никакого оправдания с точки зрения ограничения ими свободы ведения бизнеса.

Рассмотрение дела Viking Line было возобновлено национальным судом после получения решения Суда ЕС. Тем не менее, к большому сожалению наблюдателей, стороны выпустили совместный пресс-релиз, в котором говорилось что они согласились решить вопрос путем заключения мирового соглашения с прекращением всех судебных споров.

Буквально через неделю после решения по делу Viking Line тот же самый состав Большой палаты Суда ЕС принял решение по делу Laval. Это дело также касалось вопросов социального демпинга, но на этот раз в Швеции, при этом острота социального конфликта была уже на порядок выше. Именно понимание этого обстоятельства, а также позиция, занятая национальным судом, и вынудили Суд ЕС рассмотреть это дело в рамках так называемой ускоренной процедуры, крайне редко используемой Судом в то время²⁸.

Компания Laval, зарегистрированная в Латвии, занималась строительным бизнесом в Швеции через свое дочернее предприятие, которому она предоставляла в аренду строительных рабочих из Латвии. Латвия ко времени описываемых событий уже стала членом ЕС, поэтому никаких иммиграционных ограничений для этого бизнеса не возникало. Стоимость рабочей силы в странах Прибалтики была существенно ниже, чем в Швеции, что делало предложение со стороны Laval весьма привлекательным для заказчиков, а ее бизнес прибыльным. По понятным причинам эта ситуация не могла нравиться шведским профсоюзам, поэтому когда компания Laval получила очередной заказ на при-

влечение 35 латышских строителей для строительства здания школы в шведском городе Ваксхольм, профсоюзы решились на активные действия. Шведский профсоюз строителей в ультимативной форме потребовал от компании Laval заключения с ним коллективного соглашения, несмотря на то, что у компании уже было заключено такое соглашение с латвийским профсоюзом, как то требовалось законодательством ЕС. Другое требование состояло в том, чтобы увеличить зарплату привезенных латышских строителей до шведского уровня, а также включить в коллективное соглашение положения, далеко выходящие за рамки требований шведского законодательства, что не только лишало компанию конкурентного преимущества, но и в принципе делало затраты на привлечение рабочей силы из Латвии неоправданно высокими. После провала переговоров началась блокада стройки, которая состояла в недопущении грузов и самих латышских строителей к месту работы. Шведская полиция ответила отказом на просьбу Laval разблокировать стройплощадку, заявив, что раз эти коллективные действия проходят в соответствии с национальным правом, то у нее нет основания для вмешательства. Действия профсоюза строителей к тому же были поддержаны профсоюзом электриков, который прекратил подачу электроэнергии к месту строительства. После этого Laval была вынуждена отправить латышских строителей домой, контракт на строительство был расторгнут, а сама компания понесла серьезные убытки. Компания обратилась в шведский трудовой суд, прося признать действия профсоюзов, организовавших блокаду стройплощадки, неправомерными, и обязать их выплатить возместить понесенный компанией ущерб. Шведский суд признал действия профсоюзов полностью соответствующими национальному законодательству (чем, как показало будущее, сильно осложнил себе жизнь). С другой стороны, шведский суд обратился в Суд ЕС с просьбой ответить на вопрос о совместимости действий профсоюзов в виде блокады стройплощадки с целью принудить зарубежного поставщика подписать новое коллективное соглашение с нормами ЕС о свободе оказания услуг. Правовая сторона дела осложнялась еще и тем, что право на забастовку было зафиксировано в шведской конституции, на что ссылались шведские профсоюзы, а затем и правительство Швеции в ходе дальнейших разбирательств в Суде ЕС. Кроме того, как уже установил сам Суд ЕС в процессе разбирательства, шведское правительство неправильно имплементировало Директиву о командированных работниках № 96/71²⁹, поставив вопрос

²⁸ Ускоренная процедура (accelerated procedure) вынесения преюдициальных заключения действует с 2000 г. См. ст.ст. 62а и 104а Правил Процедуры Суда ЕС в редакции от 16.05.2000. Official Journal of the European Union, 2000, L122/43. За счет более жестких сроков и отсутствия необходимости ждать заключения генерального адвоката удалось сократить время на подготовку заключения с 17-18 месяцев (стандартная процедура) до 3-6 месяцев. A. Rosas "Justice in Haste, Justice denied? The European Court of Justice and the Area of Freedom, Security and Justice" // Cambridge Yearbook of European Legal Studies, volume 11, 2008-2009, p. 10.

²⁹ Directive 96/71/EC of the European Parliament and of the Council of 16 December 1996 concerning the posting of workers in the framework of the provision of services, OJ 1997 L 18.

оплаты в каждом конкретном случае полностью в зависимости от итогов переговоров профсоюзов и работодателей и устранившись от решения этих вопросов на законодательном уровне.

Отдавая отчет в сложности ситуации, Суд ЕС пошел дальше, чем в делах *Viking Line* и в *Schmidberger*, и фактически дал правовую оценку действиям профсоюзов (в предыдущих делах он оставил окончательное решение за национальными судами). При этом Суд ЕС использовал ту же самую логику и те же аргументы, что и в решении по делу *Viking Line*, поэтому в рамках данной статьи аргументы Суда можно показать лишь крупными мазками, более подробно остановившись на тех последствиях, которые имело это решение.

Суд ЕС в первую очередь квалифицировал действия компании Лаваль по предоставлению латышских рабочих в Швецию как оказание услуг в рамках ЕС. Затем, вновь повторив свой вывод о том, что ограничения свободы оказания услуг, как и других основных свобод, могут быть вызваны действиями не только публичных властей, но и частных лиц (например, профсоюзов, что уже установлено в решении по делу *Viking Line*), Суд ЕС не колеблясь признал действия шведских профсоюзов ограничением свободы оказания услуг (п. 99 решения).

Затем Суд ЕС повторил рассуждения о том, что такие ограничения, даже если речь идет об основных рыночных свободах, гарантированных Договором о ЕС, могут быть в принципе оправданными, если преследуют правомерные цели, среди которых есть и защита основных прав человека, и не являются недискриминационными (п. 93 решения).

Дословно воспроизведя параграф из решения по делу *Viking Line* о признании права на забастовку в качестве основного права человека, являющегося частью общих принципов права ЕС, Суд ЕС вновь подтвердил свою приверженность идее необходимости справедливого баланса между экономическими свободами и правами человека. Снова, как и в деле *Viking Line*, Суд ЕС заявил, что ограничение свободы оказания услуг правом на забастовку может быть оправданным только в том случае, если действия профсоюзов являются недискриминационными и пропорциональными. Понимая под пропорциональностью необходимость того, чтобы действия профсоюзов соответствовали достижению заявленной цели и не выходили за пределы того, что является необходимым для этого, Суд ЕС заявил, что в рассматриваемом деле ограничения свободы оказания услуг в тех формах, которые использовались профсоюзами, однозначно нельзя признать оправданными и пропорциональными заявленным целям (пп. 108-110 решения).

Получив совершенно недвусмысленные и предельно категоричные разъяснения от Суда ЕС, шведский

трудовой суд 2 декабря 2009 г. вынес окончательное решение четырьмя голосами против трех голосов. Так как профсоюзы после оглашения решения Суда ЕС согласились с тем, что их действия были неправомерными, национальный суд рассмотрел вопрос только о возмещении убытков компании Лаваль. С учетом того, что шведское законодательство в принципе не содержало никаких норм о материальной ответственности в случае неправомерной забастовки, трудовой суд в этом случае применил доктрину Суда ЕС об ответственности государств за нарушение права ЕС в отношении частных лиц³⁰, посчитав, что в данном случае он вправе ее применить в отношениях между двумя частными лицами (вопрос о корректности такого вывода требует отдельного обсуждения — прим. А.И.). Применив свое право снизить размер ущерба в своем решении, суд постановил, что профсоюзы должны выплатить фирме Лаваль около 55 000 евро в качестве компенсации понесенного ущерба и 210 000 евро судебных издержек и затрат на услуги адвокатов. Надзорная жалоба, поданная профсоюзами в Верховный Суд Швеции, осталась без рассмотрения. Профсоюзы отказались исполнять решение суда добровольно, но были вынуждены сделать это после обращения истца в органы исполнительного производства³¹.

Дело *Laval* показательным тем, как решение Суда ЕС способно в корне изменить деловой климат в стране. Автор, в силу целого ряда обстоятельств лично знаком с известными шведскими промышленниками. Поинтересовавшись в ходе работы над статьей их мнением о деле *Laval*, автор был в известной степени поражен рассказом о том, что шведские промышленники с самого начала решили поддержать компанию *Laval*, посчитав, что в этом случае профсоюзы перешли все мыслимые границы, что дает весомые шансы

³⁰ Эта доктрина была разработана Судом ЕС и предусматривает право частного лица требовать у государства возмещения ущерба вследствие невыполнения последним своих обязательств по праву ЕС при выполнении трех условий: (i) нарушенная государством норма права ЕС должна предоставлять права частным лицам, (ii) нарушение должно быть достаточно серьезным, и (iii) должна присутствовать причинно-следственная связь между нарушением со стороны государства и ущербом, понесенным частным лицом. *Case C-6 and 9/90 Francovich and Bonifaci v. Italy* [1991], ECR I-5357; *Cases C-46 and 48/93 Brasserie du Pêcheur SA v. Germany* [1996] ECR I-1029.

³¹ Интересно отметить, что дело *Laval* еще не завершилось. 27 июня 2012 г. Шведская конфедерация профсоюзов обратилась с жалобой на правительство Швеции в Европейский Комитет по социальным правам в рамках Европейской Социальной Хартии. Однако особенности рассмотрения жалобы в рамках Социальной Хартии позволяют сделать вывод, что это ни в коей мере не повлияет ни на решение Суда ЕС по делу *Laval*, ни на последующие действия шведского правительства.

на успех в Суде ЕС. Таким образом, дело сразу рассматривалось с учетом перспективы обращения в Суд ЕС, и компания получила необходимую финансовую и юридическую помощь в ходе судебных разбирательств дела, как на национальном уровне, так и на уровне ЕС. Как показал дальнейший ход событий, игра стоила свеч. Закон о командированных работниках (закон Laval), вступивший в силу в апреле 2010 г., существенно ограничил право профсоюзов на забастовку, полностью запретив применять коллективные действия в ряде случаев. По оценке шведских промышленников, профсоюзы стали гораздо осмотрительнее и более ответственно относиться к своему праву на забастовку. В итоге деловой климат в стране заметно изменился, что не могло не сказаться на изменении в краткие сроки и в лучшую сторону конкурентоспособности шведской экономики. Этого однозначно не произошло бы, не будь Швеция членом ЕС.

Завершая анализ рассмотренных Судом ЕС дел, в которых речь шла о столкновении основных рыночных свобод и прав человека, хотелось бы сделать некоторые выводы.

Во-первых, нужно отметить что, с точки зрения Суда ЕС, экономические свободы и права человека не находятся друг с другом в иерархических отношениях. Для Суда ЕС они равнозначны и равноценны. При этом свободы и права человека не отрицают друг друга, а могут быть взаимно ограничены. Отнюдь не всегда права человека являются достаточным основанием для Суда ЕС, чтобы оправдать ограничения основных свобод. Окончательное решение принимается Судом ЕС с учетом принципа пропорциональности. Именно поэтому итоги рассмотренных выше дел различны.

Во-вторых, именно на поиск баланса интересов нацеливает Суд ЕС национальные суды, оставляя за собой право давать обязательные указания, и лишь в не-

которых особых, не терпящих отлагательства, случаях, Суд ЕС решает дело фактически за национальный суд (как в деле Laval).

В-третьих, рассуждая о причинах, лежащих в основе такого подхода Суда ЕС, можно согласиться с мнением исследователей, отмечающих, что «Суд ЕС тем самым отвечал настойчивым и долгосрочным требованиям конституционных судов государств-членов ЕС принимать во внимание глубокий уровень национальной приверженности основным правам человека в их применении к экономическим свободам, лежащим в основе единого рынка, на котором и вырос Европейский Союз»³².

И, наконец, последний, но при этом может быть самый важный вывод. Автор не видит оснований упрекать Суд ЕС в том, что тот не отдает однозначного приоритета правам человека перед основными свободами внутреннего рынка. Суд ЕС не является судом по правам человека и в рассмотренных делах выступал прежде всего как Суд Европейских Сообществ и позднее Европейского Союза. Так же как и ЕСПЧ, Суд ЕС является приверженцем телеологического подхода, толкуя нормы права исходя из поставленных целей. Только если в случае с ЕСПЧ единственной целью является обеспечение соблюдения государствами прав, предоставленных Европейской Конвенцией о правах человека и основных свободах 1950 г., то в случае с Судом ЕС таких целей несколько, включая обеспечение функционирования единого внутреннего рынка и соблюдение при этом прав человека. Отсюда и необходимость поиска в каждом случае конфликта основных рыночных свобод и прав человека компромиссного баланса конфликтующих интересов. Утверждать, что для Суда ЕС права человека находятся лишь на втором плане, было бы несправедливым и ошибочным заявлением.

Библиографический список:

1. Directive 96/71/EC of the European Parliament and of the Council of 16 December 1996 concerning the posting of workers in the framework of the provision of services, OJ 1997 L 18.
2. Case 26/62 Van Gend en Loos v Nederlandse Administratie der Belastingen ECR [1963] 1. См. также Case 6/64 Flamingo Costa v. ENEL [1964] ECR 586.
3. Case 29/69 Stauder v City of Ulm, [1969] ECR, para. 7.
4. Case 36/75 Roland Rutili v Ministre de l'intérieur [1975] ECR 1219.
5. Case 40/64 Sgarlata and others v. Commission of the EC [1965] ECR 215.
6. Case C-112/00 Eugen Schmidberger, Internationale Transporte und Planzüge v Austria [2003] ECR I-5659.
7. Case C-260/98 Elliniki Radiophonia Tileorassi Anonimi Etairia (ERT AE) v. Dimotiki Etairia Pliroforissis (DEP) and Sotirios Kouvelas [1991] ECR I-2925.

³² Charles F. Sabel and Oliver Gerstenberg “Constitutionalizing an Overlapping Consensus: The ECJ and the Emergence of a Coordinate Constitutional Order” // *European Law Journal*, Vol. 16, №5, September 2010, pp. 511–550.

8. Case C-265/95 Commission v France [1997] ECR I-6959.
9. Case C-309/96 Annibaldi [1997] ECR I-7493.
10. Cases C-46 and 48/93 Brasserie du Pecheur SA v. Germany [1996] ECR I-1029.
11. Case Frontini v Ministero delle Finanze, judgment of December 27, 1973, Guir. Const. 2401.
12. Cases 36-38/59 40/59 Greitling v High Authority of the ECSC [1960] ECR 859.
13. Case C-341/05 Laval un Partneri Ltd v Svenska Byggnadsarbetareförbundet, Svenska Byggnadsarbetareförbundets avd. 1, Byggettan, Svenska Elektrikerförbundet, Laval, 18 December 2007.
14. Case C-438/05 International Transport Workers' Federation, Finnish Seamen's Union v Viking Line ABP, OÜ Viking Line Eesti, Viking, 11 December 2007.
15. Case C-36/02 Omega Spielhallen—und Automatenaufstellungs—GmbH v Oberbürgermeisterin der Bundesstadt Bonn [2004] ECR I-9609.
16. Case 1/58 Stork & Cie v ECSC High Authority [1959] ECR 43.
17. Case No 11/70 Internationale Hanselgesellschaft mbH v. Einfuhr- und Vorratsstelle für Getreide und Futtermittel [1970] ECR, p.419, par. 7.
18. Case 4/ 73 Nold KG v. Commission [1974] ECR, p. 491, par. 13.
19. Case 5/88 Herbert Wachauf v. Bundesamt für Ernährung und Forstwirtschaft, [1989] ECR 2609, par. 19.
20. Case C-6 and 9/90 Francovich and Bonifaci v. Italy [1991], ECR I-5357.
21. Charles F. Sabel and Oliver Gerstenberg “Constitutionalizing an Overlapping Consensus: The ECJ and the Emergence of a Coordinate Constitutional Order” // European Law Journal, Vol. 16, No. 5, September 2010, pp. 511–550.
22. Coppel J. and O’Neill, A. “The European Court of Justice: Taking rights seriously” (1995) 29 C.M.L.Rev, 669.
23. Doğan Y. “The Fundamental Rights Jurisprudence of the European Court of Justice: protection for human rights within the European legal order” //Ankara Law Review, Vol. 54 6, No. 1, pages 53-81,
24. Douglas-Scott S. “A tale of two courts: Luxembourg, Strasbourg and the growing European human rights acquis” // Common Market Law Review, vol 34, 2006, page 645.
25. Payandeh M. “Constitutional review of EU law after HONEYWELL: contextualizing the relationship between the German Constitutional Court and the EU Court of Justice. // Common Market Law Review vol. 48 9–38, 2011.
26. Rosas A. “Justice in Haste, Justice denied? The European Court of Justice and the Area of Freedom, Security and Justice” // Cambridge Yearbook of European Legal Studies, volume 11, 2008-2009, page 10.
27. Skouris V. “Fundamental Rights and Fundamental Freedoms: The Challenge of Striking a Delicate Balance”, [2006] EBLR 229.